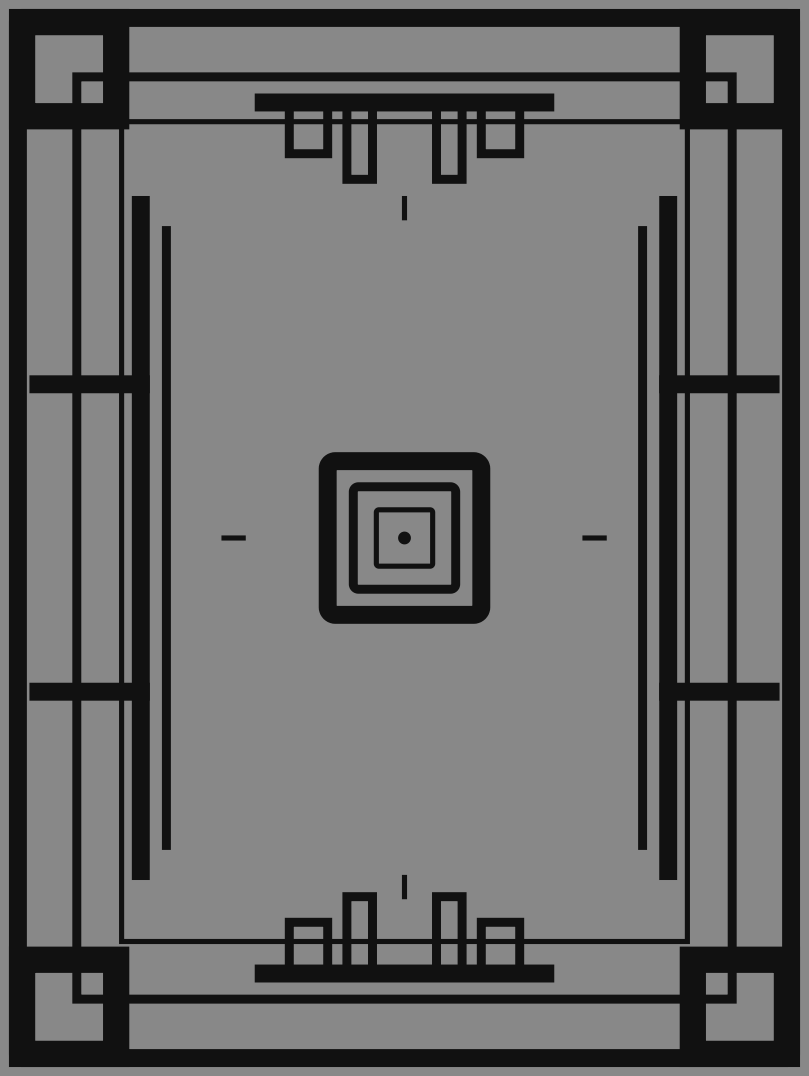

Дама из Байе
Жорж Сименон

Аннотация
Жорж Сименон. «Дама из Байе»

Аннотация

«Дама из Байе» входит в авторский сборник рассказов «Новые расследования Мегрэ».

Жорж Сименон
«Дама из Байе»

— Садитесь, мадемуазель, — сказал Мегрэ, вздохнув и отложив в сторону свою трубку.

Потом взглянул на записку прокурора и прочел: «*Семейное дело. Выслушайте все, что скажет Сесиль Ледрю, но в действиях соблюдайте сугубую деликатность*».

Дело происходило в Кане, куда Мегрэ приехал, чтобы реорганизовать местную полицию. Он никак не мог привыкнуть к порядкам норманд-ского города. Ему не хватало свободы действий, которую он ощущал в Париже.

— Я вас слушаю, мадемуазель.

Она была хороша, эта мадемуазель Сесиль, чуть-чуть слишком хороша. Траурное платье поэтично подчеркивало бледность ее лица.

— Ваш возраст?

— Двадцать восемь лет.

— Профессия?

— Я лучше сама все объясню по порядку. Я была сиротой и начала работать, когда мне исполни-лось пятнадцать. Сначала служанкой. Я тогда

еще носила косички и не умела ни читать, ни писать.

Мегрэ с трудом подавил в себе изумление. Рассказ никак не вязался с утонченной внешностью Ледрю.

— Я нашла работу у мадам Круазье, в Байе. Вы слышали о ней?

— Признаюсь, нет.

Эти провинциалы! Считают, что весь мир должен знать их знакомых.

— Я о ней еще расскажу. Она ко мне очень хорошо относилась. Она уговорила меня учиться, чтобы из меня что-будь вышло. Я жила у нее не как служанка, а как компаньонка. Она просила называть ее тетей Жозефиной.

— Итак, вы живете в Байе у мадам Жозефины Круазье?

Глаза девушки заволоклись слезами.

— Теперь все кончилось, — сказала она, вытирая слезы платком. — Тетя Жозефина умерла вчера здесь, в Кане. Поэтому я к вам и пришла. Чтобы рассказать вам об убийстве и...

— Минутку. Вы уверены, что мадам Круазье была убита?

— Я могу в этом поклясться.

— И вы при этом присутствовали?

— Нет.

— Вам кто-то сказал об этом?

— Моя тетя…

— Простите, ваша тетя сказала вам, что она была убита?

— Что вы, инспектор! Я отлично отдаю себе отчет в своих словах. Тетя не раз говорила мне, что если что-нибудь с ней случится в доме на улице Рекомле, то я должна немедленно потребовать расследования.

— Подождите минутку. Что значит «дом на улице Рекомле»?

— Это дом ее племянника Филиппа Делижара. Тетя Жозефина приехала на несколько недель в Кан, чтобы вставить зубы. Она впервые в жизни обратилась к врачу на шестьдесят восьмом году. Тетя остановилась у своего племянника, а я осталась в Байе: Филипп меня терпеть не может.

На листке бумаги Мегрэ написал: «*Филипп Делижар*».

— Сколько ему лет?

— Сорок четыре или сорок пять.

— Чем он занимается?

— Ничем. У него было состояние — вернее, состояние его жены, но, насколько я знаю, через несколько лет от него осталось одно воспомина-

ние. Тем не менее он продолжает жить в большом доме на улице Реколле и держит кухарку, лакея и шофера. Филипп часто приезжал в Байе просить у тети денег.

— И она ему давала?

— Никогда! Она отвечала ему: «Потерпи, вот я умру…»

Пока молодая женщина говорила, Мегрэ мысленно подвел первые итоги. В Байе, на одной из тихих улочек возле собора, где звук шагов заставляет дрожать занавески в каждом окне, жила мадам Жозефина Круазье, вдова Жюстина Круазье.

История ее обогащения была и необыкновенной и заурядной. Круазье, мелкий чиновник, был помешан на страховании, что было предметом невеселых шуток окружающих.

Однажды, в первый и последний раз в своей жизни, он решил отправиться на пароходе в Саутгемптон. Море было неспокойно. Корабль накренился, Круазье ударился о рубку и раскроил череп. Его вдова, к своему собственному удивлению, получила вскоре около миллиона франков от различных страховых компаний.

С этого дня единственной заботой Жозефины Круазье было следить за тем, как растет ее со-

стояние. Она преуспела в этом, поговаривали, что ее состояние оценивалось в четыре или пять миллионов франков.

Сын ее сестры, Филипп Делижар, начал с того, что женился на дочери преуспевающего барышника. Он купил и обставил роскошный особняк, который стал гордостью Кана. Но его вложения оказались настолько же неудачными, насколько выгодными были начинания его тети. Ходили слухи, что уже три или четыре года он живет в кредит, занимая под большие проценты деньги в счет будущего наследства.

— Итак, мадемуазель Ледрю, единственным основанием для ваших обвинений является то, что Филипп нуждался в деньгах?

— Я же сказала вам, что мадам Круазье просила меня, если что-нибудь случится с ней на улице Реколле…

— Простите, но вы должны согласиться, что страхи пожилой женщины вряд ли могут служить основой для обвинений. Не лучше ли нам обратиться к фактам?

— Тетя умерла вчера, в пять часов вечера. Они уверяют, что от сердечного приступа!

— У нее было больное сердце?

— Не настолько, чтобы от этого умереть.

— Вы в это время были в Байе?

Мегрэ показалось, хотя он мог и ошибиться, что девушка какое-то мгновение колебалась, прежде чем ответить.

— Нет… я была здесь, в Кане.

— Но ведь вы сказали, что не сопровождали мадам Круазье в этой поездке?

— Это так. Но от Байе до Кана только полчаса на автобусе. А мне надо было кое-что купить.

— И вы не видели своей тети?

— Нет, но я зашла в дом на улице Реколле.

— В какое время?

— Около четырех. Мне сказали, что мадам Круазье нет дома.

— Кто вам это сказал?

— Лакей.

— Он спросил у хозяев?

— Нет, он сам мне сказал.

— Значит, это или было правдой, или он получил инструкции заранее.

— Я так и подумала.

— И куда вы пошли потом?

— Мне надо было купить массу мелочей. Потом я вернулась в Байе. А сегодня, читая местную газету, узнала о смерти тети.

— Странно…

— Простите?

— Я говорю, странно. В четыре часа вам сказали, что вашей тети нет дома. Вы возвращаетесь в Байе и на следующее утро узнаете из газеты, что ваша тетя умерла через несколько минут, самое большое через час, после вашего визита. Я вас правильно понял, мадемуазель Ледрю, что вы официально просите начать расследование?

— Да, инспектор. У меня нет больших денег, но я готова пожертвовать всем, чтобы выяснить правду и наказать виновных.

— Одну минутку. Кстати, о ваших финансовых возможностях. Могу ли я поинтересоваться, что вы наследуете после смерти мадам Круазье?

— Ничего. Я сама писала завещание и отказалась что бы то ни было принять от нее. Иначе никто бы не поверил, что я бескорыстно относилась к мадам Круазье.

Это звучало чуть-чуть слишком убедительно, чтобы быть правдой. Но при всем старании Мегрэ не мог найти ни единой трещинки в ее броне.

— Таким образом, вы остались без гроша?

— Я этого не сказала, инспектор. Я получала жалованье как компаньонка мадам Круазье. Расходов у меня почти не было, я могла понемногу откладывать, чтобы у меня были деньги на чер-

ный день. Но, повторяю, я готова истратить все до последнего су, чтобы отомстить за тетю.

— Разрешите задать вам еще один вопрос. Наследник — Филипп, не правда ли? Теперь предположим, что он убил свою тетю. В таком случае он теряет право на наследование. Что же случится с миллионами?

— Они будут пожертвованы на воспитание одиноких девушек.

— Мадам Круазье интересовалась благотворительностью?

— Она жалела девушек, которые живут одни. Она знала об опасностях, которые их окружают.

— Благодарю вас, мадемуазель.

— Так вы начнете расследование?

— Я проверю кое-что. И если мне покажется необходимым… Да, кстати, где я смогу вас отыскать?

— Похороны состоятся через два дня. Я буду здесь, в Кане, рядом с ней…

— А Филипп?

— Мы не разговариваем. Я молюсь и… немного плачу… Ночую я в гостинице святого Георгия.

Мегрэ покуривал трубку, внимательно разглядывая внушительный серый особняк, ворота с медным кольцом и изысканный подъезд с брон-

зовыми канделябрами.

Прошли сутки после разговора с девушкой. Мегрэ понадобилось время, чтобы распутаться с делами в полицейском управлении. Он решил сам заняться расследованием. Он боялся, что любой инспектор из местной полиции примет просьбу прокурора слишком всерьез. Мегрэ чувствовал — это дело для него, хотя с сожалением сознавал, что расследование придется вести в обстановке настолько респектабельной, что будет неприлично держать в зубах любимый «дымокур».

Прежде чем войти в особняк, он несколько раз глубоко затянулся, продолжая наблюдать за визитерами — напыщенными буржуа Кана, пришедшими выразить соболезнование.

— Да, весело будет, — вздохнул он, выбивая трубку о подошву, и вошел в дом. Миновал серебряный поднос, заваленный визитными карточками, пересек облицованный белыми и голубыми плитками вестибюль и остановился за большой задрапированной черным дверью, у гроба, окруженного цветами, свечами и темными фигурами.

Запах горящего воска и хризантем уже создавал должную атмосферу. К этому добавлялось ощу-

щение торжественности, охватывающее людей перед лицом правосудия и смерти…

Сесиль Ледрю стояла на коленях в углу. Лицо ее было закрыто черной вуалью, достаточно прозрачной, чтобы подчеркнуть серьезность ее лица. Губы ее шевелились, а пальцы непрерывно перебирали янтарные четки.

Мужчина, весь в черном, с припухшими красными веками, смотрел на Мегрэ, словно взвешивая, какое право имел тот присутствовать здесь.

— Месье Филипп Делижар? — Я — инспектор Мегрэ. Если бы вы могли уделить мне несколько минут…

Мегрэ показалось, что Филипп бросил неприязненный взгляд на девушку.

— Следуйте за мной, инспектор. Мой кабинет на втором этаже.

Мраморная лестница с прекрасными коваными перилами. Шелковые обои на стенах. Затем громадный кабинет с мебелью времен империи, тремя окнами, выходящими в сад, больший, чем можно ожидать в центре города.

— Садитесь пожалуйста. Я полагаю, что обязан вашему визиту махинациям этой девицы?

— Вы имеете в виду мадемуазель Сесиль Ледрю?

— Да, я действительно имею в виду эту подвальную заговорщицу, которой, кстати, удалось в течение некоторого времени оказывать отрицательное влияние на мою тетю. Желаете сигару?

— Нет, спасибо. Вы говорите: в течение некоторого времени… Значит ли это, что влияние было непродолжительным?

Мегрэ не было никакой нужды изучать Филиппа внимательно. Он был типичен для любого провинциального города. Богатый буржуа, больше всего заботящийся о внешнем виде, об идеальном покрое костюмов, об изысканности разговора и манер, выделяющих его из среды простых смертных. Он сохранял элегантность даже в трауре.

— Вы должны понять, инспектор, как тяжело видеть в своем доме полицейского в такой печальный момент. Однако я отвечу на все ваши вопросы. Я хочу, чтобы это дело было окончено как можно скорей и Сесиль получила заслуженное наказание.

— Что вы хотите этим сказать?

— Когда тетя решила погостить у нас, я предложил ей взять с собой и компаньонку. Наш дом достаточно вместителен. Но тетя решительно отказалась. Больше того, она по секрету поведала

мне, что давно мечтает отделаться от Сесиль.

Мегрэ не сдержался. Обстановка кабинета, манера Филиппа выражаться заставили его буркнуть: «До чего же лживы бывают люди!» Хозяин не заметил иронии в словах инспектора.

— Рано или поздно моя тетя порвала бы с этим созданием, которое старалось внести раздор в наши отношения.

— И даже это?

— Да, она, например, донесла тете, что у меня есть любовница. Давайте же говорить как мужчина с мужчиной, инспектор. Неужели непонятно, что в моем возрасте и при моем положении совершенно естественно… ну, конечно, без огласки… как светский человек… Но моя бедная тетя с ее идеями о чистоте не могла этого понять.

— И Сесиль ей рассказала?

— А откуда же еще тетя могла об этом узнать? Но, скажу я вам, это был глупый ход с ее стороны. Предательство обернулось против Сесиль. Когда тетя узнала, что ее целомудренная компаньонка встречается под крышей ее же дома с молодым человеком, о котором достаточно сказать, что он происходит далеко не из лучшей семьи…

— У Сесиль есть возлюбленный?

Если даже возмущение Мегрэ не было ис-

кренним, то по крайней мере он убедительно изобразил его. И воспользовался случаем, чтобы вытащить из кармана трубку.

— По крайней мере два года! Два года, как они встречаются каждый вечер! Его зовут Жак Мерсье. У него с приятелем какое-то транспортное предприятие. И необходимо заметить, что его родители полностью разорились несколько лет назад.

— Трудно поверить! И вы рассказали об этом тете?

— Разумеется. А почему бы и нет? Разве это не мой долг?

— Без сомнения.

— И именно тогда моя тетя окончательно решила расстаться с Сесиль. Но не объявляла об этом, потому что боялась мести. Я предложил ей переехать к нам в дом. Я готов был предоставить в ее распоряжение второй этаж.

— И когда же вы говорили с тетей об этом?

— Ну… да, это было позавчера.

— И достигли соглашения?

— Не формально. Но договорились в принципе.

— И все-таки вы, насколько я понимаю, не обвиняете Сесиль в убийстве вашей тети?

Филипп резко вскинул голову.

— Я и слова не сказал об убийстве. Если она говорила вам об этом, то, значит, она просто сошла с ума от злости. Моя тетя скончалась от сердечного приступа. Доктор засвидетельствовал это в своем сертификате.

— Итак, значит, вы не обвиняете Сесиль в убийстве вашей тети?

— Я наверняка бы это сделал, если бы не был уверен, что моя тетя умерла своей смертью.

— Еще один вопрос, месье Делижар. Ваша тетя умерла около пяти часов, не так ли?

— Вскоре после пяти. По крайней мере так мне сказала жена. Я сам здесь в это время не был.

— Так. Но в четыре часа мадам Круазье не было дома?

— Каждый день к четырем часам она ходила к дантисту.

— Вы не знаете, когда ваша тетя вернулась домой?

— Около пяти, насколько мне известно. Приступ начался, как только она пришла. Она скончалась прежде, чем ей смогли помочь.

— Это случилось в ее спальне?

— Да. В комнате в стиле Людовика Четырнадцатого, на втором этаже.

— И ваша жена была рядом?

— Она поднялась наверх сразу, как только тетя открыла дверь и позвала на помощь.

— Разрешите спросить, а где вы были в это время?

— Я надеюсь, инспектор, что эти вопросы не значат, что вы меня допрашиваете? Учтите, что я не потерплю никакого допроса.

— Разумеется, нет. Но мы должны же доказать абсурдность заявлений мадемуазель Сесиль.

— О, конечно… Я был в моем клубе. Я выхожу из дома в половине пятого или без четверти пять и для моциона иду через город пешком. В пять я сажусь за бридж, а в половине восьмого за мной приезжает машина и отвозит меня домой.

— Вы узнали о несчастье в клубе?

— Точно так.

— А когда вернулись домой…

— Моя тетя была мертва, и у нее уже был доктор.

— Ваш доктор?

— Нет. Он слишком далеко живет. Моя жена вызвала врача, живущего по соседству. Но он уже ничего не мог сделать.

— А слуги?

— Арсен, шофер, был выходным. Лакей был на

первом этаже. А кухарка, я полагаю, — на кухне. Есть ли у вас еще вопросы, инспектор? Я обязан быть с теми, кто пришел в мой дом, чтобы выразить соболезнование. В любой момент может прийти городской судья, президент моего клуба. Я думаю, что лучше всего строго предупредить Сесиль. Если же она будет и в дальнейшем распускать клевету, я добьюсь ордера на ее арест.

Филипп Делижар, наверно, удивился легкой улыбке, шевельнувшей губы Мегрэ. Инспектор уже несколько минут не сводил взгляда с зеркала, висящего над камином, в котором отражалась закрытая портьерой дверь. Портьера несколько раз шевельнулась, и в какой-то момент инспектор увидел бледное лицо, которое могло принадлежать только мадам Делижар. Мегрэ подумал, слышала ли жена, как ее супруг «по-мужски» исповедовался в жизни светского мужчины.

— До свидания, инспектор. Я надеюсь, что после объяснений, которые я вынужден был сделать, мой траур впредь не будет нарушен. Лакей проведет вас к выходу.

Филипп позвонил, сдержанно поклонился полицейскому и размеренными шагами удалился через закрытую портьерой дверь.

Четверть часа спустя Мегрэ сидел в кабинете

прокурора, сдержанный и ироничный Мегрэ, и с сожалением крутил в кармане трубку. Прокурор Кана был не из тех, кто позволяет курить в своем кабинете.

— Ну и как, инспектор? Вы поговорили с девушкой?

— И не только с ней.

— И каково же ваше мнение? Чепуха, не так ли?

— Наоборот. У меня такое чувство, будто бедная старуха покинула наш грешный мир не без посторонней помощи. Но кто помог ей? В этом-то и вопрос… И еще один вопрос: вы в самом деле хотите узнать правду?

Гостиница святого Георгия была одной из тех маленьких гостиниц, которые можно найти в любом городе, гостиниц, о которых вы никогда не услышите, пока кто-нибудь не пошлет вас туда. Постояльцами ее были священники, фанатичные девы, старики — в общем все, кто в той или иной мере связан с истинной верой — от церковных служак до торговцев свечами.

Вестибюль гостиницы был уставлен стульями с соломенными сиденьями. Мегрэ ждал уже полчаса. Старушка, сидевшая рядом, несколько раз отрывалась от своего вязанья и бросала суровые

взгляды на синий трубочный дым, обвивавший канделябры.

«А ты, дорогой, ждешь ту же, что и я», — подумал Мегрэ сразу, как только увидел молодого человека, нервно ходившего по вестибюлю и через каждую минуту поглядывавшего на часы.

За полчаса ожидания мужчины кое-что узнали друг о друге, хотя и не обменялись ни одним словом. Ход мыслей молодого человека был несложен: «Так вот каков этот знаменитый инспектор, о котором говорила Сесиль. На вид он неопасен… толстоват, добродушен… Что его привело в гостиницу? Наверно, есть какие-нибудь новости…»

А Мегрэ думал: «Неплох парень, этот Жак Мерсье! Красивый парень. Может быть, чуть-чуть слишком красивый. Никак не похож на провинциала. Такое впечатление, что у него могут быть свои собственные идеи. Правильные черты лица, волнистые волосы, яркие глаза… огонь в крови… Ага, вот идет мадемуазель Сесиль.. При вечернем освещении она не кажется такой благочестивой».

Когда Сесиль вошла, она первым заметила Жака Мерсье, и на лице ее появилась улыбка. Но молодой человек показал на инспектора, и она,

нахмурившись, подошла к Мегрэ.

— Вы хотели поговорить со мной? — спросила она, явно недовольная, что Мегрэ увидел ее возлюбленного.

— Мне хотелось бы выяснить некоторые детали. Но, очевидно, лучше это сделать не здесь. В гостинице так тихо, что слышно, как летает моль. Не пойти ли нам в кафе?

Сесиль взглянула на Мерсье. Тот кивнул, и через несколько минут все трое сидели в баре рядом с бильярдом.

— Прежде всего разрешите мне сказать, мадемуазель Сесиль, что вы напрасно умолчали о вашем знакомстве с месье Мерсье.

— Я думала, это не имеет никакого отношения к делу. Но, конечно, я должна была догадаться, что Филипп все вам расскажет. А что он еще обо мне сказал?

— Как вы можете догадаться, ничего хорошего. Я думаю, он, как говорится, вполне светский человек. Пива, гарсон! Что вы будете пить, мадемуазель? Портвейн? И вы тоже?

Мегрэ поглядывал на катящиеся по сукну бильярдные шары, глубоко затягивался трубкой и наслаждался застойным мирком провинциальной жизни.

— Итак, это продолжается уже два года?

— Мы встретились два года назад.

— А как давно месье Мерсье начал посещать вас в доме старой госпожи?

— Больше года.

— И вам не приходило в голову пожениться?

— Старая госпожа, как вы ее называете, никогда бы этого не допустила. Она бы восприняла это как измену. Она очень ревновала меня ко всем. У нее никого в жизни, кроме меня, не было… И племянника, которого она терпеть не могла. Она относилась ко мне, как к своей собственности. Мне приходилось скрывать свои отношения с Жаком.

— Ваша очередь, месье Мерсье.

— Я не хочу, чтобы меня впутывали…

— Никто не собирается вас впутывать. Мадемуазель Сесиль просила расследования, а вы можете помочь полиции, отвечая на мои вопросы. Филипп Делижар уверяет, что ваши дела оставляют желать лучшего.

— Ну…

— Это правда?

— Ответь ему, Жак.

— Да, это правда. Мы вступили в дело с моим приятелем и купили три грузовика, чтобы возить

рыбу из маленьких портов на Канале. К сожалению, грузовики оказались очень старыми, и вот…

— И когда?

— Что когда?

— Когда вы прикрываете ваше дело?

— Уже три дня, как грузовики стоят, потому что мы не заплатили за гараж.

— Спасибо. Теперь, мадемуазель, не повторите ли вы, во сколько вы пришли на улицу Рекомле?

— Позавчера? Около четырех… Правда, Жак?

— Вы были с ней?

— Я привез ее в машине и ждал за углом. Это было в пять минут пятого.

— Вы приехали вместе из Байе?

Мегрэ сердито поглядел на Сесиль, которая раньше говорила, что приехала в Кан автобусом.

— Так. Теперь скажите мне, мадемуазель, вот что: когда вы прочли в газете о смерти Жозефины Круазье, вы попросили Жака отвезти вас в Кан. Во сколько вы приехали туда?

— Примерно в половине десятого утра.

— Расскажите мне подробно, что вы увидели.

— Сначала я увидела лакея, потом разных людей в вестибюле, потом Филиппа Делижара, который подошел ко мне и ухмыльнулся: «Я-то

думал, что вы раньше прибежите». А потом я увидела тетю…

— Одну минутку. Вы видели тело? Где?

— В гробу.

— Значит, она была уже в гробу, но крышка еще не была закрыта?

— Они закрыли крышку немного погодя. Люди, которых я встретила внизу, были от гробовщика.

— И вы узнали лицо? Вы в этом уверены?

— Абсолютно. А что же еще я должна была увидеть?

— Вы не заметили ничего ненормального?

— Конечно, нет. Я плакала… я была очень расстроена…

— И последний вопрос: я знаю главный вход в дом на улице Рекколле. Я полагаю, там должен быть и черный ход.

— Да, сзади дома есть маленькая дверь, которая ведет на другую улицу. Туда выходят только ограды садов.

— А если пройти в дом этой дверью, то можно подняться наверх, миновав лакея и кухарку?

— Да. Если подняться по черной лестнице на второй этаж.

— Сколько я вам должен, гарсон? Благодарю вас, мадемуазель. И вас, месье Мерсье.

Мегрэ заплатил по счету и поднялся. Он остался доволен разговором.

Через несколько минут, все еще не выпуская изо рта трубки, он вошел в клуб Делижара и проследовал в кабинет секретаря. Здесь он задал ряд вопросов и записал все ответы в записную книжку.

— Теперь разрешите прочесть мне ваши ответы. Вы сказали, что уверены в том, что Филипп Делижар приехал позавчера в клуб в четверть шестого… Правильно? Партнеры уже ждали его, потому что игра обычно начинается в пять. Он занял место за столом. Но как только были розданы карты, его позвали к телефону. Он вернулся очень бледный и объявил, что только что умерла его тетя… Это все. Вам больше нечего добавить? Благодарю вас, месье.

Доктор Левин, тот врач, который был вызван к постели мадам Круазье, оказался молодым человеком с ярко-рыжими волосами. Он был в белом халате и занимался тем, что жарил отбивную на спиртовке в своем кабинете.

— Я не помешал вам, доктор? Простите, но мне надо уточнить некоторые детали, касающиеся смерти мадам Круазье.

Левину было не больше двадцати семи лет. Он

только что начал практиковать в Кане. И судя по всему, не был пока отягощен множеством пациентов.

— Вам приходилось раньше бывать в доме месье Делижара?

— Я удивился, когда меня вызвали в один из богатейших домов города.

— Во сколько это было? Вы можете назвать точное время?

— Даже очень точное, — улыбнулся Левин. — Ко мне приходит, чтобы помочь на приеме, маленькая медсестричка. Уходит она в пять часов. И вот, только она надела шляпку и только я собрался поцеловать ее на прощание, как зазвонил телефон.

— Итак, это случилось ровно в пять. И долго вы добирались до улицы Реколле?

— Минут семь-восемь.

— Вас впустил лакей и провел на второй этаж?

— Не совсем так. Лакей открыл дверь, но тут же на лестнице появилась женщина и крикнула: «Скорее, доктор!» Это была мадам Делижар. Она сама провела меня в спальню направо…

— Одну минутку. В спальню направо… В комнату, обтянутую голубым шелком?

— Вы ошибаетесь, инспектор. Комната направо оклеена бумажными обоями. С желтыми кру-

гами.

— И мебель в стиле Людовика Четырнадцатого?

— Вы опять ошиблись. Я кое-что смыслю в стилях и не сомневаюсь, что комната направо обставлена в стиле Регентства.

К удивлению доктора, Мегрэ записал все эти малозначащие детали в записную книжку.

— Так-так. В десять минут шестого вы были уже наверху. Где же вы обнаружили тело?

— Разумеется, в кровати.

— Покойная была раздета?

— А как же иначе?

— Извините, я перебью вас. Значит, в пять десять Жозефина Круазье находилась в постели и была раздета. Что же было на ней?

— Ночная рубашка.

— Остальная одежда лежала рядом?

— Не думаю… Нет. В комнате все было в полном порядке.

— И никого, кроме мадам Делижар?

— Никого. Она была очень взволнована. Она описала мне ход приступа. Я внимательно осмотрел труп и обнаружил, что мадам Круазье перед смертью была в очень ослабленном состоянии. Это по крайней мере десятый приступ.

— Могли вы хотя бы приблизительно установить время смерти?

— Без труда. Смерть наступила в четверть пятого, мгновенно…

Доктор отшатнулся, потому что Мегрэ вскочил с места и схватил его за плечи.

— Что? Четверть пятого?!

— А что? Мадам Делижар пыталась дозвониться двум другим докторам, прежде чем отыскала меня. А это требует времени.

— Четверть пятого, — повторял Мегрэ, почесывая бровь. — Мне не хотелось бы вас оскорблять, доктор… вы, так сказать, еще недавно… Вы уверены в том, что говорите? Вы не отказались бы от своего заявления, узнав, что от этого зависит жизнь человека?

— Я могу только повторить…

— Хорошо. Я вам верю. Но я должен предупредить, вам почти наверняка придется повторить ваше заявление на суде, и адвокаты сделают все возможное, чтобы заставить вас отказаться от своего заключения

— Им это не удастся.

— Что случилось потом?

— Ничего. Я подписал сертификат о смерти. Мадам Делижар сразу вручила мне двести франков.

— Это что, ваша обычная ставка?

— Вряд ли. Это была ее идея, а я не стал спорить. Она проводила меня вниз. Лакей открыл мне дверь.

— Больше вы никого не встречали?

— Ни души.

Инспектор зашел в ресторан. Даже ресторан, как и все места, которые инспектору пришлось посетить за день, был чуть запыленным, чопорным и торжественным

И все таки это дело относилось к тем, которые Мегрэ любил больше всего: респектабельный фасад, положительные и впечатляющие персонажи — все указует на добродетель, доведенную до скуки. И Мегрэ предстояло разрушить этот фасад, разрыть руины и вынюхать скотину в образе человеческом, носителя самого непростительного из пороков — убийцу ради денег.

Прокурор повторял ему утром:

— Делайте, что считаете нужным, но будьте деликатны. Оплошность может вам дорого обойтись… И мне также. Филипп Делижар — известный человек в городе. У него могут быть долги, но его принимают всюду. Что касается девушки, этой Сесиль, как вы ее называете, стоит вам схватить ее, как разные там газеты начнут

шуметь, что она жертва капиталистов. Вашим лозунгом, инспектор, должна быть деликатность!

Мегрэ как-то слишком уж неуважительно пробормотал про себя:

— Хорошо, старушка. Никому не удастся выйти сухим из воды!

Жаркое оказалось вкусным, и Мегрэ покинул стол в состоянии блаженства.

— Мы это скоро распутаем, — пообещал он сам себе. — А теперь нам предстоит интервью с лакеем…

Лакей Делижара открыл дверь и хотел провести Мегрэ в гостиную.

— Нет-нет, мой друг. Я хочу побеседовать именно с вами. Вы знаете, кто я такой, не так ли? Так чем вы занимались, когда я позвонил?

— Пили кофе на кухне.

— Тогда разрешите присоединиться к вам.

Лакею ничего другого не оставалось, как провести Мегрэ на кухню и объявить кухарке и шоферу: «Инспектор желает выпить с нами чашку кофе».

Шофер Арсен сидел в расстегнутой серой униформе. Кухарка оказалась очень толстой пожилой женщиной.

— Не обращайте на меня внимания, друзья. Я мог бы вызвать вас в участок, но зачем беспо-

коить вас по пустякам. Не надо застегиваться, Арсен. Никаких формальностей… Кстати, как случилось, что позавчера вам дали выходной? Вас всегда отпускают по пятницам?

— Да нет. В то утро хозяин ни с того, ни с сего заявил, что в воскресенье мне придется поработать, так как он собирается съездить на юг. Поэтому мне лучше бы отдохнуть в пятницу.

— Значит, в тот день месье Филипп сам правил машиной?

— Да. Я думал, ему машина не понадобится, а потом гляжу, он на ней ездил.

— А как вы узнали?

— Внутри грязь осталась.

— В тот день не было дождя. Значит, он выезжал за город?

— Понимаете, у нас город небольшой. Отведешь несколько сот метров, и ты уже в поле.

Мегрэ повернулся к лакею.

— А вы где днем были?

— В буфетной. Я позавчера чистил столовое серебро.

— Вы не помните, во сколько мадам Круазье ушла из дому?

— Около четырех. Как всегда. Она ходила к зубному, а он живет рядом.

— А как она выглядела?

— Как всегда хорошо. Она очень хорошо сохранилась. И такая была веселая. Никогда не пройдет мимо, не поговорив.

— А в тот раз что она сказала?

— Ничего. Она просто крикнула мне.

— К дантисту она ходила пешком?

— А она машинам не доверяла. Даже из Байе приезжала на поезде.

— А где же в то время была машина?

— Не могу сказать.

— Но не в гараже?

— Нет, месье. Месье и мадам уехали сразу после обеда. Они вернулись через час, но, наверно, оставили машину за углом. Они никогда не ставят ее у входа — здесь слишком узкая улица. А ставят за углом. Из буфетной ее не было видно.

— Итак, вы говорите, что месье и мадам вернулись часа в три. А через час, около четырех, мадам Жозефина Круазье ушла из дому. Ну и что было потом?

— Потом приходила мадемуазель Сесиль.

— Во сколько?

— Десять минут пятого. Я сказал ей, что тетушки нет дома, и она ушла.

— И кто-нибудь видел ее, кроме вас?

— Никто.

— Ну и дальше?

— Месье ушел. В четыре двадцать пять. Я заметил время, потому что он уходил обычно попозже.

— Он ничего не нес в руках?

— Ничего.

— И он вел себя нормально?

— Разумеется.

— Ну, продолжайте.

— Я как раз начал чистить ножи… Да. Тогда все и случилось. Мадам вернулась около пяти.

— И выглядела так же хорошо?

— И в отличном настроении. Она даже подошла ко мне и сказала, что люди говорят неправду про зубных врачей. Лечить зубы совсем не больно.

— И она поднялась к себе в комнату?

— Да.

— Ее комната в стиле Луи Четырнадцатого?

— Да.

— Желтая комната, справа?

— Нет, что вы! Это комната в стиле Регентства. В ней никто не живет.

— Ну и что же случилось потом?

— Я не знаю… Прошло несколько минут. Потом мадам сбежала вниз, очень взволнованная.

— Одну минутку. Сколько времени прошло с тех пор, как вернулась мадам Жозефина?

— Минут двадцать. Было чуть ли не полшестого, когда мадам велела мне позвонить в клуб и сказать месье, что у его тети сердечный приступ.

— И вы ему позвонили?

— Да.

— И сказали, что у тети сердечный приступ?

— Да. Больше я ничего не знал.

— А потом поднялись наверх?

— Нет. Никто из нас наверх не поднимался. Пришел молодой доктор, и мадам сама провела его наверх… Только часов в семь нам сказали, что мадам Круазье умерла. А увидели мы ее только в восемь.

— В желтой комнате?

— Да нет же. В голубой.

Зазвенел звонок. Виктор проворчал:

— Это месье. Чай требует.

Мегрэ медленно поднялся и пошел к двери.

Кончив свою беседу в доме на улице Реколле, Мегрэ зашел в контору канской газеты и купил вчерашний номер.

Потягивая пиво в открытом кафе, он внимательно изучил газету, особенно большое внимание уделяя разделу объявлений, из которого Сесиль

узнала о кончине старухи.

Мегрэ некоторое время раздумывал, допивая вторую кружку.

Потом сказал вслух:

— Деликатность..

Встал, заплатил по счету, поймал такси и приказал шоферу ехать на окраину, туда, где начинались поля…

— Прокурор просил вас подождать.

Мегрэ вздохнул. В приемной прокуратуры висела пыль, да и скамья была жесткой.

Было десять часов утра.

Мегрэ разбудил местный полицейский. Он заявил, что прокурор требует инспектора к себе немедленно.

В десять минут одиннадцатого Мегрэ поднялся с жесткой скамьи и подошел к секретарше.

— У прокурора кто-нибудь есть?

— Да. В девять тридцать к нему пришел месье Делижар.

Мегрэ усмехнулся. Каждый раз, когда он проходил мимо двери прокурора, он слышал шум голосов. И каждый раз Мегрэ иронически улыбался.

Только в половине одиннадцатого секретаршу вызвал звонок из кабинета. Она вернулась и

сказала:

— Месье, прокурор просит вас войти.

Дележар еще не ушел. Мегрэ сунул в карман теплую трубку и с задумчивостью, которая по крайней мере наполовину была напускной, вошел в кабинет. Инспектору доставляло удовольствие прикидываться туповатым. В такие минуты он казался нескладным и еще более добродушным, чем обычно..

— Доброе утро, прокурор. Доброе утро, месье Дележар.

— Закройте за собой дверь, инспектор. Вы поставили меня в исключительно неприятное положение. О чем я просил вас вчера?

— Проявлять деликатность, месье.

— Разве не сказал я вам, чтобы вы не придавали значения басням этой девицы Сесиль?

— И вы еще сказали мне, что месье Дележар очень важный человек в Кане и что нам надо деликатно обращаться с делами, в которых он запутан.

Мегрэ улыбнулся, краем глаза поглядывая на Филиппа.

В свете дня месье Дележар казался еще более респектабельным, чем прокурор. Он напустил на себя полную незаинтересованность и даже не

удосужился повернуться к инспектору.

Прокурор метнул на Мегрэ свирепый взгляд. Казалось, ему трудно сдерживать гнев.

— Садитесь немедленно! Я не выношу людей, которые мечутся по комнате!

— С удовольствием, месье.

— Где вы были вчера в девять вечера?

— В девять? Дайте подумать… О, конечно! Я был в доме месье Делижара.

— И он не знал об этом! За его спиной! Вы проникли туда без всякого на то права! У вас не было ордера на обыск.

— Мне хотелось поговорить со слугами.

— Именно поэтому месье Делижар и пришел ко мне. Именно в этом он вас и обвиняет. И я вынужден признать, что его обвинения полностью оправданы. Вы превысили полномочия. Если вам захотелось допросить слуг, вы обязаны были поставить в известность хозяина. Это понятно каждому. Вы меня слушаете?

— Разумеется, месье прокурор.

И Мегрэ смущенно опустил глаза, совсем как мелкий чиновник, уличенный в описке.

— И это еще не все! Затем вы совершили проступок более серьезный. Настолько серьезный, что мне даже трудно представить, какие последствия

он вызовет в высоких сферах. После того как вы вытянули из слуг все сплетни, я бы даже сказал, спровоцировали их на сплетни, вы покинули дом. Но через некоторое время снова проникли туда, уже через заднюю дверь. Я надеюсь, вы не будете этого отрицать?

Мегрэ вздохнул.

— Каким ключом вы отперли дверь в саду? Уж не Сесиль ли Ледрю вам его вручила? Я советую вам очень серьезно взвесить все последствия вашего поступка.

— А у меня не было ключа от задней двери. Я даже не намеревался заходить в сад. Я просто хотел узнать, как они пронесли тело.

— Что?!

И прокурор и Филипп вскочили на ноги, одинаково потрясенные, бледные.

— Я об этом расскажу. Если вы, конечно, пожелаете. Кстати, о двери. Замок-то на ней детский. Его любой отмычкой открыть можно. Я и захотел проверить, так ли это. Было темно. В саду никого не было. Я увидел, что гараж совсем рядом. Мне так не хотелось беспокоить месье Делижара по пустякам, ведь я понимаю, что он расстроен, поэтому я сам пошел поглядеть на пятна в машине, о которых говорил мне Арсен.

Прокурор нахмурился. Филипп, небрежно теребивший в руке перчатки, открыл рот, чтобы сказать что-то, но Мегрэ не дал ему такой возможности.

— Вот и все, — сказал он. — Я, конечно, понимаю, что делать этого не следовало. Но я прошу вашего прощения и постараюсь, где надо, оправдаться по мере моих сил и возможностей.

— Значит, вы признаетесь в нарушении закона! Вы, инспектор полиции…

— Я даже не могу выразить свое сожаление, месье прокурор. Если бы я не заботился так о спокойствии месье Делижара — я ведь знал, что он только что велел принести ему чай наверх, — я бы сам задал ему несколько вопросов…

— Довольно! Сегодня же я направлю в министерство полиции жалобу месье Делижара. Полагаю, что мы можем считать инцидент исчерпанным, месье Делижар. Я заверяю вас, что приму все меры, чтобы загладить перед вами…

— Благодарю вас, мой дорогой прокурор. Поведение этого человека было возмутительным. И уверяю вас, что только мое безграничное уважение к порядку и полиции удерживает меня от дальнейших действий.

Прокурор с подчеркнутой теплотой пожал руку

Делижару и поспешил вперед, чтобы открыть ему дверь.

— Еще раз благодарю вас. Надеюсь, мы скоро увидимся.

— Я обязательно приду завтра на похороны, месье Делижар. И я надеюсь…

Внезапно они услышали спокойный голос Мегрэ:

— Месье прокурор, я желал бы, если вы мне позволите, — задать этому человеку один вопрос. Только один.

Прокурор опять нахмурился. Делижар, стоявший на пороге, непроизвольно остановился, и Мегрэ продолжал:

— Месье Делижар, пойдете ли вы на похороны Каролины?

Прокурор был поражен эффектом этих слов. В одно мгновение лицо Филиппа, казалось, развалилось на куски.

Мегрэ осторожно прикрыл дверь.

— Как видите, мы еще не кончили. Простите, что я вас задерживаю, но надеюсь — ненадолго.

— Инспектор, — начал прокурор.

— Не бойтесь. Я не собираюсь, как говорят газеты, обнажать секреты личной жизни светского человека. Каролина не содержанка и не работни-

ца, совращенная месье Дележаром. Все остается в рамках респектабельности. Она его старая няня.

— Я требую, чтобы вы объяснили…

— С большим удовольствием. Постараюсь отнять у вас минимум времени… Я начну, с вашего позволения, с тайны желтой комнаты, что, без сомнения, вызовет в вашей памяти приятные воспоминания о книжках с убийствами, которые вы читали в детстве. С желтой комнаты и начались мои открытия. Вернее, она подтвердила мои подозрения… Перестаньте коситься на дверь, месье Дележар!

— Я жду, — вздохнул прокурор, не выпуская из рук ножа для разрезания бумаги.

— Вы должны знать, что на втором этаже дома на улице Реколле мадам Круазье жила в комнате налево, в так называемой комнате Луи Четырнадцатого, обтянутой голубым шелком. Итак, без нескольких минут пять мадам Круазье вошла в дом — в добром здравии и прекрасном настроении, обменялась несколькими словами с лакеем и поднялась в свою комнату. Повторяю, в голубую комнату. Когда доктор Левин приехал по вызову в десять минут шестого, его провели в комнату направо, обставленную в стиле Регентства и оклеенную желтыми обоями. В этой комнате в

ночной рубашке лежала в постели старая женщина. Что бы вы на это сказали?

— Продолжайте, — сухо сказал прокурор.

— И это не единственная тайна. Вот вам другая. Молодого доктора Левина, который недавно начал практиковать в городе и который лечит бедняков, получая за визит десять франков, вызывают в роскошный особняк Делижаров. Ему отдают предпочтение перед всеми другими врачами. Он обнаруживает, что старуха умерла в четыре пятнадцать. Кто же лжет? Доктор или лакей, который видел, как мадам Круазье пришла домой около пяти? Если лакей, то тогда должен лгать и зубной врач, который уверяет, что в четыре пятнадцать мадам Круазье сидела у него в кресле.

— Я не понимаю…

— Терпение. Я тоже не сразу понял. Так же, как я не мог понять, почему месье Делижар, который ушел из дому раньше, чем обычно, добрался до клуба только в четверть шестого.

— Иногда человек может идти медленнее, — вырвалось у прокурора.

Делижар сидел неподвижно.

— Тогда ответьте мне пожалуйста на такой вопрос. Месье Филипп не успел сесть за стол в

клубе, как позвонил лакей и сообщил, что у его тети сердечный приступ. Это было все, что сказал лакей, больше он ничего не знал. Месье же Делижар возвращается и говорит своим партнерам, что его тетя скончалась.

Прокурор неприязненно взглянул на Филиппа.

— Теперь мелочи. Почему месье Делижар именно в этот день дал выходной своему шоферу? Совпадение? Хорошо. Зачем тогда он сам едет куда-то на машине в два часа и оставляет ее на улице? Где он и его жена были с двух до трех?

— У постели больной женщины, — словно очнувшись, сказал Филипп.

— У постели. Точно. У постели Каролины, той самой Каролины, которая живет на окраине города. Поэтому и грязь в машине… И я могу доказать, что это грязь известкового карьера, что напротив дома Каролины.

Как будто в рассеянности, Мегрэ вынул из кармана трубку, набил ее и принялся расхаживать по кабинету.

— Мы столкнулись, месье прокурор, с одним из гнуснейших и простейших преступлений, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться, с преступлением, когда весь расчет на то, что вряд ли стали бы расследовать обстоятельства внешне

естественной смерти в одной из виднейших семей города.

Филипп Делижар в жизни не сделал ровным счетом ничего, если не считать, что он женился на богатой, жил широко, спекулировал бездумно и в конце концов растранжирил все состояние жены. Уже три года, как он был в отчаянном положении. Единственной его надеждой была тетя, да и та отказывалась ему помогать.

Как все ясно! Как все просто! Я думаю, месье Делижар не будет спорить, если я скажу, что бывали дни, когда в его доме не было и сотни франков. В таком возрасте не пойдешь учиться. Не переменишь образа жизни. А тетя старая. И несмотря на влияние неприятной мадемуазель Ледрю, она не хочет лишить своего племянника наследства. На всякий случай Филипп намекает старухе, что ее компаньонка не настолько чиста, на сколько хотелось бы тете… Вы следите за моими словами, месье прокурор? У Филиппа нет другого выхода. Жозефине Круазье придется умереть, чтобы Делижары могли жить в свое удовольствие.

Подтолкнуть человека к линии, разделяющей жизнь и смерть, нетрудно. Значительно труднее скрыть истинную причину смерти от врачей. Особенно когда это связано с большим наследством.

Яд — рискованно. Это первое, о чем подумают сплетники. А ведь всем известно, что Делижары сидят без гроша. Застрелить невозможно… Нож оставляет следы… И в то же — время, повторяю, убийство уже решено. Не хватает только удобного случая — случая разделаться с тетей без риска.

И вдруг появляется такая возможность. У Филиппа есть старая няня, Каролина, приблизительно того же возраста, что и тетя. Она живет одна в маленьком домике на окраине города. У нее уже было несколько сердечных приступов. И тут Делижары узнают, что у нее только что был еще один. Они едут к ней днем и возвращаются через час, зная, что жить ей осталось не больше двух часов.

Расположение комнат помогает им в осуществлении плана. Они стараются не упустить ни единой детали.

Мадам Делижар немедленно уходит из дома через заднюю дверь, пешком добирается до Каролины, благо это недалеко, и не отходит от ее постели, пока няня не умирает. Это случилось в четверть пятого.

Филипп не покидает дома до обычного часа. И только немного раньше, не в силах справиться с нетерпением, садится в машину, оставленную

за углом, едет к дому Каролины, кладет тело в машину и вместе с женой возвращается обратно.

Оба они проникают в дом через заднюю дверь, вносят тело на второй этаж в желтую комнату.

Слуги уверены, что мадам Делижар не выходила из дому, а месье Филипп — в клубе.

А те ждут возвращения мадам Круазье. Она должна скоро вернуться. Жозефина входит в комнату, в синюю комнату, и ее тут же убивают.

Филипп немедленно отправляется в клуб, опять же через заднюю дверь, и едет туда на машине. Ему нужно алиби. Из клуба он тоже едет машиной, а потом говорит всем, что приехал на такси.

Доктора выбирают со всей тщательностью. Он не должен знать ни планировки дома, ни Жозефины. Мадам проводит его к телу Каролины. Доктор совершенно правильно устанавливает причину смерти и подписывает сертификат. Осталось только отвезти ночью тело няни обратно, и работа окончена.

Несколько секунд в кабинете прокурора стояла тишина. Затем прокурор, не отрывая глаз от ножа для разрезания бумаги, спросил:

— Почему вы подумали о Каролине?

— Это логично. Доктор не мог осматривать тело Жозефины Круазье. Значит, он осматривал чье-то

другое тело. Я купил вчерашнюю газету и прочел список умерших. Я был уверен, что найду хотя бы одну старуху. Я нашел ее. А когда узнал о связи ее с семейством Дележаров, дело было, считайте, закончено. Ее соседи подтвердят, что видели, как туда несколько раз приезжала машина. Они, правда, ничего не заподозрили, ибо знали, что в последнее время бывшие хозяева Каролины часто ее навещали. Может быть, это единственный добрый поступок Филиппа Дележара.

Хлопнув ножом по столу, прокурор резко спросил:

— Вы признаете себя виновным, Филипп Дележар?

— Я буду отвечать только в присутствии своего адвоката.

Традиционная формула… Он попытался встать, но зашатался. Мегрэ пришлось принести ему стакан воды.

Вскрытие тела Жозефины Круазье показало, что сердце ее было в отличном состоянии и что ее сначала пытались задушить шнурком от корсета, а затем — она сопротивлялась — добили двумя ударами ножа в спину.

— Я вынужден поблагодарить вас, — признался прокурор с кривой усмешкой. — Вы в самом

деле звезда того же масштаба, что и ваша слава. Однако я хочу сказать, что методы, которыми вы пользуетесь, в небольшом городе неприемлемы.

— Это значит, что мне бы здесь долго не продержаться?

— Я хотел уведомить вас…

— Спасибо.

— Но…

— Мне и самому здесь не очень нравится. Меня в Париже жена уже заждалась. Единственное, на что я надеюсь, так это на то, что канские присяжные не настолько ослеплены роскошью особняка этого мерзавца Филиппа, чтобы забыть потребовать для него смертной казни.